

100 лет со дня рождения

русского советского писателя Бориса Пастернака

Рабочая газета. — Киев. — 1990. — 10 февр.

«...Но я не раб судьбы своей»

«Мир Бориса Пастернака, этот бескрайний материк культуры — почти нет ни одной сферы духовной, которой бы не касался великий художник: поэзия, проза, эссеистика, философские глубины письма, стихия музыки, грузинские переводы, русскоязычный «Фауст» и почти полностью переведенный Шекспир. Наследие его энциклопедично...». Так сказал о писателе Андрей Вознесенский.

А еще он переводил Кобзаря. Как-то при нем упомянули имя Шевченко, и Борис Леонидович воскликнул: «Шевченко я переводил с таким удовольствием, как самое настоящее — как Шекспира и Верлена». Переводами Пастернак зарабатывал себе на жизнь, когда перед ним закрылись двери издательств и журналов, потому что он попал в опалу.

Это было вскоре после войны: имя прекрасного мастера воспринималось как нечто обособленное от советской литературы. Он слишком дорожил личной свободой художника, достоинством — своим и других. «Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. Стало расти влияние фразы» — так он сказал о том времени.

Он жил переводами. А его великолепные стихи, полные шорохов листьев, ропота моря, весенней капели, раскатов грома и блеска радуги, влюбленного шепота и звучанья музыки, ходили по стране в списках. Его «Доктор Живаго», за которого Пастернаку прису-

дили Нобелевскую премию, не был известен на родине писателя.

Он говорил: «Я устал от идеи верности одной точке зрения любой ценой. Жизнь вокруг нас постоянно меняется, и я верю, что человек должен пытаться менять точки зрения в соответствии с жизнью — по меньшей мере раз в десять лет. Великая героическая верность одной точке зрения чужда мне...». До чего же актуальны эти слова сегодня, когда общество напрягает все силы, чтобы разорвать путы догматических установок, мешающих его естественному развитию! С такими же мерками он подходил и к своему творчеству: отвергал многие стихи как слишком экспериментальные и устаревшие, хотя их знали наизусть, читали с волнением, часто вслух.

Один из основателей Союза писателей, он всегда шел навстречу новому и горел желанием участвовать в жизни народа. Эту жизнь и поэзию он рассматривал, как синонимы. В чрезвычайно тяжелой обстановке, сложившейся вокруг него, он вел себя с поразительным достоинством. Казалось, это о нем строки великого грузинского поэта, которого он перевел на русский: «Вперед, мой конь, вперед во весь опор! Я слаб, но я не раб судьбы своей...».

В феврале 1987 года секретариат правления Союза писателей СССР отменил постановление президиума правления СП СССР 1958 года об исключении Б. Л. Пастернака из членов Союза писателей.

Открывая неизвестные страницы

«Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней — Скрябина», — говорил Борис Леонидович Пастернак.

У каждого таланта есть своя, так сказать, магистральная дорога, которая ведет его к наиболее полному самовыражению. Художественно одаренные люди нередко проявляют склонность сразу к нескольким видам искусства: ученый-энциклопедист Ломоносов был также поэтом, энтузиастом мозаичного искусства, Лермонтов, Шевченко, Волошин превосходили в рисовании, Чюрленис прославился как живописец и музыкант, Рерих успешно сочетал дар мастера кисти и художника слова. Таким же многогранным был и талант Бориса Пастернака.

Склонность к музыкальным занятиям очень рано пробудилась в будущем поэте.

Так начинают. Годы в два
От мамки рвутся в тьму
мелодий,
Щебечут, свищут, — а слова
Являются о третьем годе.

Эти строчки известны многим поклонникам поэзии Бориса Леонидовича. Они о том, как в его жизнь вошла музыка.

Пастернак рос в особой атмосфере. Его мать была великолепной пианисткой, отец — известным художником, преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества. В доме часто бывали Лев Толстой и Ключевский, Рахманинов и Скрябин, Серов и Врубель. «...К звуку фортепиано в доме я привык, на нем артистически играла моя мать. Голос рояля казался мне неотъемлемой принадлежностью самой музыки. Тембры струнных, особенно в камерном соединении, были мне непривычны и встревожили, как действительные, в форточку снаружи донесшиеся зовы на помощь и вести о несчастье...» — писал поэт о впервые услышанной им музыке Чайковского.

го. С годами крепло решение: он станет музыкантом. И тогда к домашним занятиям прибавились уроки по теории композиции у Ю. Энгеля, затем — Р. Глиэра.

Более всего в тот период Борис Пастернак любил музыку Александра Скрябина, композитора, который в бурные предреволюционные годы мечтал о невиданном ранее «всеискусстве», в котором бы слились воедино звук и цвет, слово и жест. В Скрябине молодой Пастернак видел идеал подлинного художника. «Как Достоевский не романист только и как Блок не только поэт, — писал он, — так Скрябин не только композитор, но повод для вечных поздравлений, олицетворенное торжество и праздник русской культуры».

Вспоминая о встречах со Скрябиным, Пастернак постарался передать то трепетное смятение, которое испытывал в присутствии своего кумира. «Обожанье это бьет меня жесточе и неприкрашеннее лихорадки. Завидя его, я бледнею, чтобы вслед за тем густо покраснеть... Он ко мне обращается, я лишаюсь соображения и слышу, как под общий смех отвечаю что-то невпопад, но что именно — не слышу...»

Разве это не лучший авторский комментарий к строкам поэмы «Девятьсот пятый год»:

Как-то раз,
Когда шум за стеной,
Как прибой, неослабен,
Омут комнат недвижим
И улица газом жива, —
Раздается звонок,
Голоса приближаются:

Скрябин.

О, куда мне бежать
От шагов моего божества!
Встреча со Скрябиным оказалась решающей вехой в жизни будущего поэта. Фортепианные опусы Пастернака вызвали у Александра Николаевича благодарный отклик: «Он сра-

зу пустился уверять меня, что о музыкальных способностях говорить нелепо, когда налицо несравненно большее, и мне в музыке дано сказать свое слово. В ссылках на промелькнувшие эпизоды он подсел к роялю, чтобы повторить один, наиболее его привлекший. Оборот был сложен, я не ждал, чтобы он воспроизвел его в точности, но произошла другая неожиданность, он повторил его не в той тональности, и недостаток, так меня мучивший все эти годы, брызнул из-под его рук...».

Этот недостаток крылся в отсутствии абсолютного слуха. И хотя имеются свидетельства, что такого слуха не было даже у Вагнера и Чайковского, для Пастернака это стало причиной расставания с музыкальной деятельностью. Перед Борисом Леонидовичем открылась другая дорога, однако музыка осталась навсегда с ним.

Действительность, природа, окружающий мир всегда окрашивались для Пастернака музыкальными приметами. Недаром близкий друг поэта известный советский пианист Г. Нейгауз как-то заметил: «Если музыкальное начало поэзии (как и поэтическое начало музыки) можно сконденсировать в облике человека, если представить себе эти прекрасные стихи нашей жизни сжатыми в клубок, в кристалл, то такого рода конденсацией был Борис Леонидович Пастернак».

О. СОКАЧ.

Звучит его голос

«Моя сестра — жизнь» — так называлась книга, принесшая поэту известность. Так называется экспозиция, посвященная юбилею Пастернака, открывшаяся в Государственном музее литературы СССР. Под нее отведено несколько стендов в зале, представляющих таких корифеев украинской литературы, как Рыльский, Тычина, Бажан, Ушаков, хорошо знавших своего русского брата, связанных с ним творчеством.

Материалы из музейных фондов, частных коллекций — педагога Евдокии Ольшанской, поэта Олексы Новицкого: фотографии, рисунки, первые поэтические опыты (Пастернак начал писать стихи в 1908 году). Факсимильные издания,

стихи, составившие сборники «Марбург», «Близнец в тучах», «Поверх барьеров», «На ранних поездах», «Когда разгуляется», книги поэтов, которым Пастернак, по сути, дал путевку в жизнь (например, Варлама Шаламова), переводы самого Пастернака и его произведений на другие языки. Здесь звучит живой голос Бориса Леонидовича, записанный на пленку.

Экскурсии проводятся под музыку Скрябина и Чайковского, столь любимых поэтом. Многие смогут узнать о нем посетители музея. Например, историю, связанную с письмом драматурга и переводчика Аркадия Добровольского (одного из авторов сценария фильма «Трактористы», снятого на киностудии имени Довженко в

30-е годы). Это письмо Добровольский писал переводчице Гайне Коваленко. История же его такова.

В 37-м Добровольский был осужден по статье 58 и сослан в Магаданскую область. Переписываться с родными и близкими ему не разрешали, так что связь с внешним миром он поддерживал каким-то тайными, ему одному известными путями. Так пришло ему в руки одно из неопубликованных стихотворений Пастернака «Душа моя печальница» (впервые оно увидело свет в 1985 году). Добровольский вспоминает, что стихотворение это было для него настоящим потрясением — настолько глубоко и точно в нем переданы чувства человека, проходящего по кругам гулаговского ада. «Со времени блоковского «Возмездия» я не читал ничего более высокого», — писал он Коваленко. Такова сила великого таланта.

И. СЕРГЕЕВА.